Дулина Надежда Васильевна, Наумов Игорь Николаевич, Шарапов Дмитрий Юрьевич

СВИДЕТЕЛЬСТВА УТРАЧЕННЫХ ВРЕМЕН: ЧЕЛОВЕК И ГОРОД НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В "КАРТИНАХ" НАУЧНЫХ ЭКСПЕДИЦИЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА

Статья посвящена истории изучения и проблемам развития нижневолжского города. Авторы обращаются к трудам российских ученых эпохи Просвещения, написанным по итогам научных экспедиций Императорской Академии наук второй половины XVIII века. В ходе исследований в Нижнем Поволжье академиками-энциклопедистами И. И. Лепехиным, П. С. Палласом, С. Г. Гмелиным и др. описывались развалины золотоордынских городищ, устройство современных им городов (Царицына и др.), особенности хозяйственно-бытовой жизни их населения. Отмечается, что эти уникальные исторические свидетельства позволяют не только полнее узнать историю изучения региона, но и лучше понять проблемы развития современного города.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/12-2/14.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 12 (38): в 3-х ч. Ч. II. С. 60-65. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Список литературы

1. **Бердяев Н. А.** Дух и реальность: основы богочеловеческой духовности. Я и мир объектов: опыт одиночества и общения. М.: АСТ; ХРАНИТЕЛЬ, 2007. 381 с.
2. **Бубер М.** Два образа веры. М.: Республика, 1995. 464 с.
3. **Рязанов А. В.** Коммуникация и коммуникативное пространство в трудах В. С. Соловьёва и С. Л. Франка // Человек в современных философских концепциях: мат-лы межд. конф.: в 4-х т. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007. Т. 3. 854 с.
4. **Франк С. Л.** Духовные основы общества. Введение в социальную философию. М.: Республика, 1992. 511 с.
5. **Франк С. Л.** Реальность и человек. М.: АСТ; ХРАНИТЕЛЬ, 2007. 382 с.
6. **Ясперс К.** Смысл и назначение истории. М.: Республика, 1994. 527 с.

COMMUNICATION PROBLEM IN THE LIGHT OF PHILOSOPHY HISTORY

Druzhkin Aleksandr Anatol'evich
Balashov Affiliation of Saratov State University
alexandr.druzhkin@yandex.ru

The article is devoted to the analysis of approaches to social communication problem comprehension in philosophy history. Comparing the views of the eminent West-European and Russian thinkers of the end of the XIXth – the beginning of the XXth century on communication problem, the author concludes that in spite of the coincidence in the problem formulation time every philosophic tradition solves this problem on the assumption of the priorities formed in it: the West-European existentialism is close to rational analysis, and the Russian existentialism – to beyond-rational comprehension. However, the West-European and Russian thinkers of this period similarly determine communication process priorities: dialogue value and responsibility to ―Other".

Key words and phrases: communication; personality; personalism; communication; freedom; creativity; values; existentialism.

УДК 94(470.44/47)
Исторические науки и археология

Статья посвящена истории изучения и проблемам развития нижневолжского города. Авторы обращаются к трудам российских ученых эпохи Просвещения, написанным по итогам научных экспедиций Императорской Академии наук второй половины XVIII века. В ходе исследований в Нижнем Поволжье академиками-энциклопедистами И. И. Лепехиным, П. С. Палласом, С. Г. Гмелиным и др. описывались развалины золотоордынских городищ, устройство современных им городов (Царицына и др.), особенности хозяйственно-бытовой жизни их населения. Отмечается, что эти уникальные исторические свидетельства позволяют не только полнее узнать историю изучения региона, но и лучше понять проблемы развития современного города.

Ключевые слова и фразы: современный город; научные экспедиции; эпоха Просвещения; исследователи-энциклопедисты; золотоордынские городища; нижневолжский город XVIII века.

Дулина Надежда Васильевна, д. соц. н., профессор
Наумов Игорь Николаевич, к.и.н.
Шарапов Дмитрий Юрьевич, к.и.н.
Волгоградский государственный технический университет
iks@vstu.ru; kafedra.sksit@mail.ru

СВИДЕТЕЛЬСТВА УТРАЧЕННЫХ ВРЕМЕН: ЧЕЛОВЕК И ГОРОД НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В «КАРТИНАХ» НАУЧНЫХ ЭКСПЕДИЦИЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА©

В череде исторических дат, в точках «перехода» через невидимую черту, разделяющую события и века, отделяющие одну эпоху от другой в долгих тысячелетиях человеческой цивилизации, есть нечто магическое, завораживающее. Вольно или невольно человек привязывает эти исторические эпохи, смены фаз развития событий и явлений к определенным точкам отсчета и, «несмотря на то, что отсчет хронологических рядов в любой культуре задан весьма условно, фиксируются какие-то значимые для людей события» [2, с. 71]. Одно из таких значимых в истории человечества событий и реперная точка, как нам представляется, – это появление города. При этом точную дату появления первого города пока никто не обозначил. Однако принято считать, что термин «город» утвердился в историко-археологической литературе, посвященной Нижнему Поволжью, при описании некоторых городищ Хазарского каганата.

В силу того, что город – одна из важнейших универсалий всемирной истории, создается ощущение, что город «сопровождал» человека всю его долгую эволюцию. Быть может, ощущение это создается в силу того, как замечает Э. В. Сайко, что в основе города лежит процесс воспроизводства всех связей и отношений

© Дулина Н. В., Наумов И. Н., Шарапов Д. Ю., 2013

общества. Город представляет собой «организм, организующий в значительной степени действие общественного механизма в воспроизводстве всех отношений общества на всех этапах развития рассматриваемой социальности» [20, с. 20]. Подтверждение данного тезиса можно обнаружить у авторитетнейших исследователей феномена города. Так, О. Шпенглер в «Закате Европы» пишет, что всемирная история – это история городского человека: «Народы, государство, политика, религия, все искусства, все науки покоятся на единственном фундаменте человеческого существования, на городе» [24, с. 92]. Примеры можно приводить еще долго, но главное другое. В настоящее время город стал привычным, обыденным. Например, в России (по данным Федеральной службы государственной статистики) на начало 2010 г. почти три четверти в общей численности населения страны – 73,6% – составляли горожане. Но что интересно, каждый из городов живет своей собственной жизнью и развивается по «траектории», порой, неподвластной человеческому разуму.

Т. И. Алексеева отмечает: «Город – специфическое социальное явление и в то же время, развивающееся в сложных связях с другими компонентами поселенческой организации общества. В этом плане любые поселения – города ли, города-новостройки, села, станицы, – несмотря на резкие социально-экономические, историко-культурные различия, представляют единые в своей основе социально-пространственные системы, находящиеся в разных фазах развития. В каждой из фаз превалируют те действия генетического механизма развития, которые необходимы и последовательно органичны для данной фазы, смена последней актуализирует и новые социальные аспекты жизни поселений, городов. Многолетние наблюдения и анализ особенностей градостроительного освоения новых районов… позволили не только увидеть характерные противоречия в развитии городов, но и получить многочисленные доказательства ~~н~~еподчинения" их развития проектным разработкам, что поставило под сомнение многие теоретические положения, закладываемые в основу современного градоустроительного проектирования, управления городами» [1, с. 38-39]. Объяснение данного факта, причем довольно лаконичное, можно обнаружить у М. Хайдеггера: «Спроектированная сфера не станет предметной, если не предстанет во всем многообразии своих уровней и переплетений. Поэтому научное предприятие должно предусмотреть изменчивость представляемого. Лишь в горизонте постоянной изменчивости выявляется полнота частностей, фактов. Но факты надлежит опредметить. Научное предприятие должно поэтому установить изменчивое в его изменении, остановить его, оставив, однако, движение движением. Устойчивость фактов и постоянство их изменения как таковых есть правило. Постоянство изменения, взятое в необходимости его протекания, есть закон» [23, с. 44].

Полагаем важным обратить внимание еще на одну деталь, весьма важную для понимания сущности современных городов, подсказанную в свое время В. И. Вернадским, который писал: «Для живого вещества на планете Земля речь идет… о явлении пространства-времени, геометрически не совпадающем с пространством, в котором время проявляется не в виде четвертой координаты, а в виде смены поколений» [4, с. 201]. Опираясь на рассуждения В. И. Вернадского о человеческом пространстве-времени, Ю. Лотман продолжает эту мысль: «Культура организует себя в форме определенного ~~п~~ространства-времени" и вне такой организации существовать не может. Эта организация реализуется как семиосфера и одновременно с помощью семиосферы… При всем различии субструктур семиосферы, они организованы в общей системе координат: на временной оси – прошедшее, настоящее, будущее, на пространственной – внутреннее пространство, внешнее и граница между ними. По этой системе координат перекодируется и внесемиотическая реальность» [13, с. 259]. Итак, понять реальность вне социального пространства-времени и вне социальной системы координат – невозможно.

Каждый город обладает собственным «многообразием своих уровней и переплетений». Невозможность понять все это многообразие приводит к нарастанию противоречий в развитии городов, неразрешимости их проблем. Исследователи фиксируют нарастание этих проблем, горожане ежедневно сталкиваются с ними в своей повседневной практике. Разрешение этого противоречия требует, на наш взгляд, рассмотрения динамики каждого конкретного города в плоскости, проходящей через более глубокие уровни человеческого бытия («многообразие уровней и переплетений»). Эта плоскость должна соединить в единое (и что важно неделимое) целое общеисторические, культурологические, социально-психологические и иные аспекты жизни человека.

Сложность такой исследовательской задачи осознавалась еще отечественными исследователями времен Просвещения, ведь не случайно «…Императорская Академия наук… посылает в степи Нижнего Поволжья академиков И. И. Лепехина, С. Г. Гмелина, П. С. Палласа. Все они – ученые-энциклопедисты. Их волнует все в нашем крае: география, геология, ботаника, этнография, история» (Цит. по: [14, с. 8]). Перечень исследователей можно еще долго продолжать, украсив (без преувеличения сказать) его именами В. Н. Татищева, П. И. Рычкова, И. П. Фалька и др. [16].

Академические экспедиции 1768-1774 гг., охватившие важнейшие районы европейской и азиатской части страны, имели большое значение для развития географии и биологии в России во второй половине XVIII века. Экспедициями был собран бесценный научный материал о природе, хозяйстве и населении страны. Большой материал и его анализ содержали труды И. И. Лепехина, П. С. Палласа, И. П. Фалька, И. Г. Георги. Заметим, что в научных отчетах этих исследователей немало места отведено их впечатлениям о «нижневолжских развалинах средневековых городов».

Результаты путешествия И. И. Лепехина – адъюнкта, затем академика – изложены в сочинении, сокращенно называемом «Дневные записки...» (т. 1-4, СПб., 1771-1805). Оно отличается простотой изложения и практической направленностью исследований. Из теоретических выводов Лепехина обращает на себя внимание его объяснение причин образования пещер (под действием текучих вод), а также убеждение в том, что земной рельеф с течением времени изменяется.

Важную роль в экспедициях 1768-1774 гг. сыграл П. С. Паллас. Итоги его исследований изложены им в пятитомном сочинении «Путешествие по разным провинциям Российской империи» (1773-1788 гг.) на немецком и русском языках.

Особенно значимые результаты дали экспедиции 1768-1774 г. под руководством Палласа (при участии В. Ф. Зуева, И. Г. Георги и Н. П. Рычкова) в Оренбургский край и Сибирь, С. Г. Гмелина – в Астраханский край, И. И. Лепехина и Н. Я. Озерецковского на Волгу, Урал и Каспий. Эти экспедиции привлекли пристальное внимание научных кругов. Благодарные потомки по достоинству оценили вклад Палласа в изучение нижневолжского края, воздвигнув в городе, носящем его имя, памятник, на табличке которого значится: «Геологическая экспедиция во главе с П. С. Палласом – академиком Российской императорской Академии наук в 1773 г. исследовала район озер Эльтон, Баскунчак. Станция Палласовка названа именем П. С. Палласа в 1904 г.».

Эти экспедиции были связаны с поистине тяжкими лишениями и опасностями, поскольку время их проведения пришлось на «бедственный для Поволжья 1774 г. со страшной Пугачѐвщиной» [15, с. 431]. Вряд ли стоит объяснять, что эти события (взятие Саратова, осада Царицына и др.) помешали экспедиционной деятельности академиков. Ещѐ более прискорбно то, что они помешали планам Екатерины II силой освободить С. Г. Гмелина, который «от всевозможных лишений заболел и в 30 лет умер 27 июля 1774 г. в Ахметкенте, где находился в заточении» у хайтыцкого хана Усмея, рассчитывавшего получить за него выкуп. В 1861 г. академик Б. А. Дорн посетил место кончины Гмелина и на предполагаемом месте его погребения воздвиг надгробный памятник, который затем был реставрирован в 1903 г. Памятник имеет форму четырехугольной, сложенной из каменных плит, пирамиды, увенчанной крестом. На могиле высечена надпись «В память С. Г. Гмелина, умершего 27 июня 1774 года». Имя исследователя было увековечено в названии села Гмелинка, основанного в 1906 г. при строительстве ветки железной дороги от Астрахани до Саратова.

Обращение к именам этих исследователей-энциклопедистов не случайно, поскольку мы полагаем, что для грамотного «прочтения» современных городов, в первую очередь необходимо обращаться к истории (во всем ее многообразии) конкретной территории. Предметом нашего научного интереса можно обозначить специфику городов Нижнего Поволжья. Первый парадокс обнаруживается уже в том, что эти города расположены в кочевой степи. В. С. Флѐров в своей книге «–Города” и –замки” Хазарского каганата. Археологическая реальность» приходит к выводу, что «…город и кочевничество несовместимы» [22, с. 205]. Но города в кочевой степи имеют место быть. Правда, создавались эти города уже во времена Золотой Орды [8, с. 47-50; 17], и, по мнению Э. Д. Зиливинской, кочевнические культурные традиции в этих городах практически не прослеживаются [10], но ряд других исследователей считают, что «городская культура золотоордынского Нижнего Поволжья формировалась в преимущественно кочевнической среде» [3, с. 23].

Описания золотоордынских городищ Нижнего Поволжья, зафиксированные исследователями, являются ценным источником информации, особенно если эти описания были составлены в период, предшествующий рубежу XVIII-XIX вв., когда средневековые бытовые памятники подверглись серьезному разрушению. Хотя справедливости ради следует признать, что степень этого разрушения была все же не столь велика, как в настоящее время, когда некоторые городища практически перестали существовать. По сообщениям путешественников (а теперь местные жители об этом говорят как о данности), на городищах добывали кирпич для строительства посадов и астраханского кремля. «Развалины *Сарая* раскинуты на 15 верст в окрестностях… *Царева*. При Царе Михаиле Федоровиче ломали остатки стен засыпанных мусором, а инде еще уцелевших, грузили кирпич на суда и по Ахтубе сплавляли к Астрахани, где строили из него кремлевские стены, собор и другие здания. В рукописном описании Астрахани сказано: –Апреля в 10 день 1631 г. в царствование Михаила Федоровича… велено кирпич брать на Ахтубе, и Ханскую мечеть и дом ханский сломать, чтобы было на построение довольно, как белого камня, так и железа от Ахтубы”. Потом Сарайские развалины снова запустели. При Петре I начали близ селиться люди, и развалины вновь стали тревожить: и находили в –мусоре” и мрамор, и золото, и разные орудия… Иначе говоря, как занимались, да и продолжают заниматься кладоискательством и не только местные жители» [15, с. 454].

Заметим, что относиться к достоверности данных, представленных в этих свидетельствах, следует крайне осторожно в силу того, что определенные критерии и традиции научного описания археологических памятников в целом и их отдельных частей или сооружений появились значительно позже. Описания городищ в записках путешественников порой напоминают песню акына в степи («что вижу, о том и пою»), с той лишь разницей, что кочевой образ жизни и скоротечный характер искусства акынов не сохранил их произведения для потомков, а записи путешественников позволяют судить об утраченных памятниках прошлого. К сожалению, не составлялись даже приблизительные глазомерные планы, но микрорельеф городищ тогда был выражен достаточно четко, что позволяло на местности визуально фиксировать места застройки, фортификационные линии и остатки наиболее значительных сооружений.

Новые краски в мозаике городской культуры и городов Нижнего Поволжья можно обнаружить, если обратиться к запискам исследователей кочевой степи – академиков И. И. Лепехина, С. Г. Гмелина, П. С. Палласа и других путешественников. В последней трети XVIII века Академия наук организовала несколько научных экспедиций (две астраханские и три оренбургские), для всестороннего описания Российской империи. Целый ряд ученых оставили описания золотоордынских городищ, которые в большом количестве были разбросаны по степным районам России и погибали на их глазах [19].

Первые свидетельства интереса к прошлому городов в кочевой степи и золотоордынских древностей Нижнего Поволжья относятся ко второй половине XVIII века, когда появились краткие описания таких памятников средневековой городской культуры, как Увекское, Водянское, Мечетное, Селитренное, Царевское и другие городища.

Одним из первых осмотрел развалины Селитренного и Мечетного городищ академик И. П. Фальк. Так, описывая Мечетное городище, он в своем путевом дневнике отметил: «между двумя речками Мечетными в 230 саженях от Волги лежат едва приметные развалины большого татарского города. Видны еще следы каменной стены, а на изрытой площади фундаменты зданий... Город имеет вид четырехугольника и более 150 сажень в поперечнике. Одно весьма большое здание должно было иметь много отделений» (Цит. по: [11]). Это «большое здание» не ускользнуло и от зоркого взгляда другого исследователя – П. С. Палласа, по сведениям которого «на крутом склоне Соленого буерака, рассекающего берег почти посередине между двумя ручьями Мечетными» располагались остатки «большого каменного строения, которое было караван-сараем или гостиным двором» [15, с. 143-145]. При описании Селитренного городища также отметил остатки большого (14×8 саж.) здания, украшенного мозаикой, которые считал руинами мечети и многочисленные «каменные фундаменты» малой площади – вероятно, остатки мавзолеев и подземных склепов, столь характерных для Селитренного городища.

Урочище Джигит-Хаджи в 1772 году посетил П. С. Паллас. Он, в частности, подробно описал руины большого богато украшенного мавзолея со склепами – единственного более или менее сохранившегося к тому времени на поверхности земли золотоордынского сооружения.

В ряду ранних сведений о нижневолжских памятниках следует упомянуть описания остатков золотоордынских городов на Волге, сделанные В. Н. Татищевым. Будучи в 1741-1745 гг. в должности астраханского губернатора и находясь в Селитренном городке (с. Селитренное Астраханской обл.), В. Н. Татищев в своих письмах к советнику канцелярии Академии наук И. Д. Шумахеру излагает свои впечатления и наблюдения об основных районах градостроительства на Нижней Волге, характерных особенностях планировки городов, наличии оборонительных сооружений. Примечательно, что В. Н. Татищев собрал небольшую коллекцию нумизматического и археологического материала, часть которой он отправил в Академию наук. По его наблюдениям, «в верстах трех» от современного села начинается «от Ахтубы по нискому месту» и тянется «верст на пять» в степь вал и ров. Кроме того, здесь же им была зафиксирована линия керамического водопровода в кирпичном ложе, а также собрана коллекция монет, майоликовых плиток и фрагментов мозаичных панно [9, с. 238].

И. И. Лепехин оставил нам описание Увекского городища, которое «находится на самом Волжском берегу, в 9 верстах от Саратова. Что это место принадлежит татарам, доказывают серебряные и медные татарские деньги и другая мелочь – кольца, серьги, посуда и т.д. …С северо-западной стороны с высокой горы Шихан начинается земляной вал, который идет наискось до самой Волги к полудню. Высота его, судя по отлогости не более двух саженей. Других укреплений не видно». В своих записях он также указывал, что на территории памятника работал селитренный завод, а многие местные жители добывают себе пропитание, продавая саратовским серебряникам находки с городища [12; 15, с. 400].

В записях С. Г. Гмелина сохранилось краткое описание «остатков старинного города», расположенного в месте, «называемом россиянами Царевы Поды». Он писал: «На всем степном кряжу премного по большей части раскопанных, из кирпича состоящих ...наделано курганов ...около оных видны явные следы дворов, а также и остатки стен. Из оных стен теперь нет ни одной целой». Особое внимание он обратил на остатки больших некогда сооружений на берегу р. Царевки и Сахарного озера, предположив, что это были когда-то «Царские палаты» [5, с. 12]. Заметим, что городище, обозначенное у С. Г. Гмелина как Царевы Поды (Царевы Пады или Царев Под), означает «царские развалины» – это Царевское городище, находящееся на левом берегу Ахтубы, восточного рукава Волги, примерно в 55 км от г. Царицына (современного Волгограда).

В записях и дневниках академиков можно обнаружить и описания г. Царицына. Напомним, что изначально с момента своего зарождения Царицын был и оставался сторожевым (или городом-крепостью) на протяжении всей своей истории вплоть до конца XVIII века, когда, утратив значение сторожевой крепости, он начал развиваться (с 1861 г.) в торгово-промышленном отношении [15, с. 447]. Правда, уже в 40-х гг. XX века история, сделав очередной виток, повторилась (Сталинградская битва), напомнив, что это все-таки город-крепость.

Древняя летопись повествует, что к XVI в. запустевшая за время татарской неволи «русская земля освободися от ярма… нача обновлятися, яко от зимы и на тихую весну прилагатися» (Цит. по: [6, с. 21]). Построенный в низовом Поволжье, вдали от внутренней России и окруженный степными кочевниками, город долгое время был одним из самых важных стратегических пунктов, но и сам он (город) постоянно подвергался опасностям. Первоначально население города – это стрельцы, которые приходили сюда из Астрахани или с воронежской засечной линии. Это отметил в 1579 г. англичанин Х. Бэрро: «на острове, названном Царицыном, русский царь держит в летнее время отряд из 50 стрельцов для охраны [водной] дороги» (см.: [15, с. 428]). «По основании крепости первые населенцы Царицына были казанцы и назывались пушкарями, казаками конными и пешими, а после некоторые из них названы бобылями, а далее купцами и мещанами. По взятии Азова несколько семейств из него переведены в Царицын» [Там же, с. 448].

У И. И. Лепехина (записки 1769 г.) можно прочесть: «Город Царицын стоит при конце [укрепленной] линии на самом волжском берегу, обведен земляным валом с раскатами с трех сторон, а четвертую сторону защищает его река Волга. Строение в нем все деревянное, выключая три каменные церкви. Уезду никакого не имеет, почему в нем, как в Дмитровске [ныне г. Камышине], только одна комендантская канцелярия. Купечество в нем зажиточно, и больший их доход состоит в рыбных промыслах. Бедные жители питаются от посеву дынь и арбузов, которые вкусом и астраханских превосходят. Они занимают все поля, ибо ни в каком другом посеве жители не упражняются» (Цит. по: [21, с. 80]).

«Временная протяженность» (пространство-время) конкретного города как определенного исторического типа поселения имеет свои пределы: рождение, расцвет, упадок, полное умирание или переход в смысле

накопления новых свойств, ведущих к смене типа города. В то же время многое из «исторической реальности», входящее в городскую культуру, ментальность разных эпох, автоматически не перестает существовать и функционировать, не исчезает бесследно при сменности одного типа города другим, более того, создает условия для того, чтобы город смог накопить новые свойства, которые позволили бы ему выйти на новый уровень.

Очевидно, что население Царицына и современного Волгограда на протяжении всей его истории является сложным конгломератом национальностей, культурных традиций, образов жизни, и нарушения в трансляции культурного кода (или семиосферы – по Ю. Лотману) могут привести к утрате целостности пространства и его разрушению. Об этом нужно помнить, моделируя и создавая будущее города, разумно распоряжаясь тем, что нам уже предоставила история, предшествующие поколения и исследования ученых, начало которым было положено во второй половине XVIII века экспедициями российских академиков-энциклопедистов. Кроме того, накопленные знания, можно использовать, в частности, в развитии различных видов туризма [7], что, несомненно, положительно отразится на социально-экономическом развитии региона.

Список литературы

1. **Алексеева Т. И.** Город как саморазвивающаяся система: контуры новой парадигмы // Город как социокультурное явление исторического процесса. М.: Наука, 1995. С. 38-46.
2. **Алексеева-Бескина Т. И.** Саморазвивающаяся система города и константы переходных процессов урбогенеза // Город в процессах исторических переходов. Теоретические аспекты и социокультурные характеристики. М.: Наука, 2001. С. 71-162.
3. **Блохин В. Г., Яворская Л. В.** Археология золотоордынских городов Нижнего Поволжья / отв. ред. и авт. предисл. А. С. Скрипкин. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2006. 268 с.
4. **Вернадский В. И.** Химическое строение биосферы Земли и ее окружения / отв. ред. Ф. Т. Яншина, С. Н. Жидовинов. М.: Наука, 2001. 376 с.
5. **Гмелин С. Г.** Путешествие по России для исследования трех царств природы. СПб.: Типогр. при Академии наук, 1777. Ч. II. 362 с.
6. **Дулина Н. В., Кравченко Ю. В., Мойсов В. В., Ткаченко Е. И., Токарев В. В., Шмельков В. В.** Жизненное пространство крупного города в восприятии его жителей: методология и методы социологического анализа: коллективная монография. Волгоград, 2004. 362 с.
7. **Дулина Н. В., Наумов И. Н., Шарапов Д. Ю.** Возможности и перспективы использования туристическопознавательных объектов Урюпинского района Волгоградской области в сфере социально-экономического развития региона // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 4 (10): в 3-х ч. Ч. II. С. 67-72.
8. **Дулина Н. В., Наумов И. Н., Шарапов Д. Ю.** Зарождение городов Нижнего Поволжья (или о социокультурных ресурсах и ограничениях развития региона) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 2 (28): в 2-х ч. Ч. II. С. 44-52.
9. **Егоров В. Л., Юхт А. И.** В. Н. Татищев о городах Золотой Орды в Нижнем Поволжье // Советская археология. 1986. № 1. С. 232-239.
10. **Зиливинская Э. Д.** Взаимодействие культурных традиций в зодчестве Золотой Орды по данным археологии: автореф. дисс. … докт. ист. наук. М., 2012. 40 с.
11. **Ильина О. А.** Изучение золотоордынских городов Нижнего Поволжья в XVIII – начале XIX в. [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2011. № 6. URL: www.science-education.ru/100-5127 (дата обращения: 07.11.2013).
12. **Лепехин И. И.** Записки путешествия академика Лепехина // Полное собрание ученых путешествий по России. СПб., 1821. Т. 3. Ч. II. 338 с.
13. **Лотман Ю. М.** Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2001. 704 с.
14. **Мамонтов В. И.** Далекое прошлое Волго-Донских степей: научно-популярная версия истории края от эпохи камня до раннего Царицына. Волгоград: Принт, 2010. 208 с.
15. **Минх А. Н.** Историко-географический словарь Саратовской губернии: Южные уезды Царицынский и Камышинский. Современная версия / под ред. И. О. Тюменцева; ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы». Волгоград: Изд-во ФГОУ ВПО ВАГС, 2010. 568 с.
16. **Моников С. Н.** Во имя российской науки. Очерки по истории географических исследований Волгоградской области. М.: Планета, 2011. Ч. 1. С древнейших времѐн до конца XVIII века. 160 с.
17. **Наумов И. Н., Шарапов Д. Ю.** Становление и развитие золотоордынской городской культуры // История в подробностях. М.: Изд. дом «Эдисьон Пресс», 2013. № 8 (38). С. 8-15.
18. **Паллас П. С.** Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб.: Тип. при Имп. Акад. Наук, 1788. 116 с.
19. **Рудаков В. Г.** История изучения Селитренного городища // Российская археология. 2000. № 2. С. 180-191.
20. **Сайко Э. В.** Город как особый организм и фактор социокультурного развития // Город как социокультурное явление исторического процесса / РАН. М.: Наука, 1995. С. 9-20.
21. **Скрипкин А. С., Луночкин А. В., Курилла И. И.** История Волгоградской земли от древнейших времен до современности. Изд-е 2-е. М.: Планета, 2013. 224 с.
22. **Флѐров В. С.** «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. М.: Иерусалим; Мосты культуры; Гешарим, 2011. 267 с.
23. **Хайдеггер М.** Время картины мира // Время и бытие: статьи и выступления / пер с нем. М.: Республика, 1993. С. 41-62.
24. **Шпенглер О.** Закат Европы: очерки о морфологии мировой истории: в 2-х т. М.: Айрис-Пресс, 2003. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы. 624 с.

EVIDENCES OF LOST TIMES: MAN AND TOWN OF LOWER VOLGA REGION IN "PICTURES" OF SCIENTIFIC EXPEDITIONS OF IMPERIAL ACADEMY OF SCIENCES OF THE SECOND HALF OF THE XVIIITH CENTURY

Dulina Nadezhda Vasil'evna, Doctor in Sociology, Professor
Naumov Igor' Nikolaevich, Ph. D. in History
Sharapov Dmitrii Yur'evich, Ph. D. in History
Volgograd State Technical University
iks@vstu.ru; kafedra.sksit@mail.ru

The article is devoted to the history of studying and development problems of the Lower Volga region town. The authors turn to the Russian scientists' works of Enlightenment epoch written as a result of the scientific expeditions of Imperial Academy of Sciences of the second half of the XVIIIth century. During researches in Lower Volga region academicians-encyclopaedists I. I. Lepekhin, P. S. Pallas, S. G. Gmelin and others described the ruins of Golden Horde ancient settlements, the structure of contemporary towns (Tsaritsyn and others), the peculiarities of their population's everyday household life. It is noted that these unique historical evidences allow not only better learning the history of the region study but also better understanding the modern town development problems.

Key words and phrases: modern town; scientific expeditions; Enlightenment epoch; researchers-encyclopaedists; Golden Horde ancient settlements; Lower Volga region town of the XVIIIth century.

УДК 140.8
Философские науки

В статье изучена роль С. П. Хитрово в жизни В. С. Соловьева, исходя из факта целостности и универсальности его мировоззрения. Показано, что образ Софии Небесной проявляется у мыслителя на всех уровнях его мировоззрения – религиозном и мистическом, обыденном и философском. Сделан вывод, что С. П. Хитрово в наибольшей мере соответствовала представлениям В. С. Соловьева о земном воплощении Небесной Софии. Вместе с тем, реальная жизнь философа отражалась в его учении о Софии Небесной.

Ключевые слова и фразы: мировоззрение; философское мировоззрение; теоретическое мировоззрение; философское мировоззрение В. С. Соловьѐва; София.

Емельяненко Владимир Дмитриевич, к. филос. н., доцент
Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского
emelyanenko_@mail.ru

С. П. ХИТРОВО И ОБРАЗ НЕБЕСНОЙ СОФИИ В СИСТЕМЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ В. С. СОЛОВЬЕВА©

Статья выполнена при поддержке РГНФ, Проект № 13-13-32001 «Брянский край в философском творчестве Ф. И. Тютчева, В. С. Соловьева, В. В. Розанова».

Хорошо известно, что любовь играла в жизни В. С. Соловьева огромную роль. Счастье, по его мнению, заключается в вере в любовь [20, с. 642]. Однако трактовка этого основополагающего чувства в жизни В. С. Соловьева у исследователей его творчества различна. Так, В. В. Кравченко фактически сводит любовь в жизни В. С. Соловьева к его мистическим отношениям с Софией Небесной, считая основополагающими именно их. Она пишет о «небывалой любви» В. С. Соловьева и «небесной девы» Софии. Эта любовь рассматривается как главная и завораживающая тайна жизни и творчества великого мыслителя [8, с. 4]. Т. Н. Бурдина, напротив, предположила, что именно земная любовь философа к С. П. Хитрово была настолько важной, что стала неким исходным пунктом, вокруг которого как бы «вращалась» практически вся философия мыслителя [2, с. 100]. Действительно, часто отмечается, что отношения с С. П. Хитрово занимали в жизни В. С. Соловьева особенно большое место. Многие биографы и исследователи указывают на то, что она даже стала настоящей любовью всей его жизни [3, с. 247; 13, с. 644; 21, с. 7]. В этой связи необходимо исследовать, какое начало было в любви В. С. Соловьева основополагающим – земное или небесное, реальное или мистическое, жизненное или философское? Какое чувство являлось для него более важным – к Софии Небесной или к тем реальным земным женщинам, которыми философ довольно часто увлекался? В «Альбоме признаний» Т. Л. Сухотиной (между 29.03.1888 и 10.06.1890) он пишет, что самое ценное качество мужчины – это постоянство, и признает, что любил серьезно только один раз (!), «а так – 27 раз» [20, с. 642]. Но кого же он «любил серьезно» – Софию Небесную или земную женщину? Почему, несмотря на то, что у В. С. Соловьева было много увлечений, он вновь и вновь возвращался к Софии Хитрово? Как связано пронесенное через почти всю жизнь чувство философа к С. П. Хитрово с образом Софии Небесной в системе его мировоззрения?

© Емельяненко В. Д., 2013